

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОТЛАССКОГО ГОРИСПОЛКОМА ИЛЬИ АНДРЕЕВИЧА БАЁВА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, 1941-1942 ГГ

В марте 1941 года председателем Котласского исполнительного городского Совета депутатов трудящихся был назначен Илья Андреевич Баёв. К этому времени И.А. Баёв имел опыт работы в партийно-хозяйственных организациях. О нём сначала музей располагал лишь краткими данными биографии и трудовой деятельности, которые в последнее пополнились подробностями.

Родился в 1903 году в деревне Соколиха Вонгодского с/с Красноборского района Архангельской области. Мать Афанасия Ивановна всю жизнь прожила в деревне, управляясь с домашним хозяйством и пятью детьми, отец Андрей Васильевич, отслужив двадцать лет во флоте, вернулся со службы в 1906 году в деревню крестьянствовать.

Илья Андреевич, третий ребёнок в семье, окончил шестиклассную школу второй ступени в Забелино и поступил в 1917 году на писарскую должность в Котласский волисполком. Затем в его биографии были работа в при штабе Северо-Двинской военной флотилии, школа ликбеза для взрослых, учёба в Красноборской профтехшколе «повышенного» типа на отделении сельского хозяйства.

Вступил в комсомол, который направил его на работу инспектором труда по Красноборскому району, где он и работал до ухода на действительную военную службу. Срочную службу проходил в 1925-1926 гг артиллеристом в кавалерийской части в Гатчине под Ленинградом.

После службы в РККА он вернулся на ту же работу в Велико-Устюжский РИК и работал до 1931 года.

С 1927 года – член ВКП(б). Затем на год (1928-1929) снова призывался в РККА, окончил в городе Луге Ленинградской области курсы младших командиров, демобилизовался в звании младшего лейтенанта-артиллериста.

С января 1931 года работал секретарём Котласского РИКа.

С ноября 1931 года по февраль 1934 года – на партийной работе: секретарь партячейки лесопункта, инструктор и зав. общим отделом Котласского РК ВКП(б).

С февраля 1934 года по июль 1937 года работал зав. районным земельным отделом (РАЙЗО) Котласского райисполкома. С августа по декабрь 1937 года – председатель Котласского райисполкома.

Из воспоминаний Евгения Ильича Баёва (сына Баёва И.А.):

«В последних числах декабря 1937 года родители узнали, что ночью органами НКВД был арестован один из членов пленума Котласского РИКа.

30 декабря 1937 года решением Президиума пленума РИКа отец был снят с должности председателя РИКа с формулировкой: "За проявленную политическую беспечность в разоблачении врага народа П., за недостаточность принятых мер по ликвидации последствий вредительства в районе". Здесь же был поставлен вопрос о выводе его из состава Пленума РИКа.

31 декабря 1937 года отца вывели из состава РИКа и тут же "сняли" с должности председателя РИКа.

Что за этим следовало ожидать, в то время всем хорошо было известно. Это были страшные годы необоснованных репрессий.

Родители с тревогой ожидали новогодней ночи 1938 года.

В моей памяти сохранился такой фрагмент: ночь, родители сидят в комнате и тихо о чем-то разговаривают, моя младшая полуторагодовалая сестра Роза спит в кроватке, а я почему-то уснуть не могу.

На кухонном столе в нашей комнате стоит большое овальное блюдо, на котором лежит огромная красная, но очень солёная рыбина и тарелка с круглым ржаным подовым хлебом.

Никто не ест, не пьёт, и только чутко прислушиваются к внешним звукам за окном.

Так они и сидели эту новогоднюю ночь до утра без света.

Но отца моего не арестовали ни в эту, ни в последующие ночи.

А в конце января отца направили на хозяйственную работу, назначив управляющим Котласской оптово-торговой базой "Главкожобувь", и почти сразу же направили учиться в Москву управленческо-бухгалтерскому делу.

К середине 1939 года (точнее в августе) пленум Котласского РИКа отменил своё решение от 31 декабря 1937 года в отношении снятия с поста председателя РИКа И.А. Баева, а 21 августа 1939 года его перевели работать инструктором Котласского РК ВКП(б).

В этом же году 13 сентября по мобилизации перед финской кампанией призвали на службу в РККА и направили в Архангельск в 12 запасной артиллерийско-гаубичный полк на должность кадрового командира взвода связи батареи 76-мм орудий.

Трудные переходы по заснеженным трактам и глубоким снегам в сильные морозы повлияли на состояние здоровья Баёва И.А., по окончании военной кампании военно-медицинская комиссия комиссовала его «вчистую» с «белым билетом» — к службе в РККА не пригоден.

С октября 1940 года назначили консультантом парткабинета Котласского РК ВКП(б).

По переписи 1939 года в Котласе проживало всего 26 600 жителей. Город представлял собой почти сплошь деревянную одноэтажную застройку жилых домов, в центральной части было и двухэтажное жильё и двухэтажные учрежденческие здания дореволюционной постройки. В них размещались магазины, контора госбанка, госучреждения, городские и районные власти, несколько

школьных зданий и здание детского сада. В те годы Котлас гордился драмтеатром, клубом железнодорожников, парашютной вышкой.

В городе работали мясокомбинат, промкомбинат, Болтинская и Лимендская лесобиржи, крупная мельница, электростанция, на окраине города размещались больничный комплекс, стадион (во время футбольных матчей собиралось полгорода болельщиков) и аэропорт. В Котласе был крупнейший на Севере речной порт и железнодорожный узел с локомотивным и вагонным депо.

В документах муниципального архива хранятся материалы о работе Котласского горисполкома в период Великой Отечественной войны. Особый интерес представляют вопросы, рассматриваемые в начале трудных военных событий на фронте и в тылу 1941-1942 годов.

В подшивке «Протокола сессий Городского Совета депутатов трудящихся» с апреля 1940 по октябрь 1947 года занесено 45 протоколов, в «Протоколы исполнительного комитета городского Совета депутатов трудящихся» с 31 января 1941 года по 28 декабря 1941 года занесено 50 протоколов (фонд 47, д.7).

За период работы в должности председателя горисполкома Баёва И.А. (март 1941 — октябрь 1942 гг) рассматривались вопросы:

обеспечения общественного порядка и оборонных мероприятий в Котласе, организации эвакуационного пункта в Котласе, о размещении помещения эвакуационного пункта, о военном обучении населения Котласа, о подготовке кадров, инструкторов ПВХО, начальников групп самозащиты и командиров звеньев, о светомаскировке промышленных предприятий, учреждений, жилых домов и всех видов транспорта в городе, организация бюро продовольственных карточек, о размещении эвакуированной больницы, о мероприятиях по разгрузке вагонов в Заготзерно и перегрузке картофеля Карельскому фронту, об отводе овощехранилища Карельскому фронту, о подготовке санитаров для Красной Армии, о сборе тёплых вещей для Красной Армии, о размещении управления Северо-Печорской железной дороги в городе Котласе, об обеспечении топливом городской бани, о размещении Государственного военного займа 1942 года среди артелей промкооперации и кооперации инвалидов, о принятии жилфонда зданий по ул. Виноградова, 22 и по улице Ленина, 122 Ухтожемлага (вследствие ликвидации Котласского отделения упомянутой организации), о мероприятиях по очистке города, об устройстве детей, оставшихся без родителей, о выполнении плана выработки мыла в промсоюзе, заявления граждан об оказании денежно-материальной помощи и многие другие.

Из воспоминаний Евгения Ильича Баёва:

«О начале войны мы с отцом узнали прямо в лесу, где собирали первые грибы-кокосовики. Нам встретился какой-то товарищ и сообщил отцу о начале войны с фашистской Германией. Спешно вернулись домой, отец сделал несколько телефонных звонков и мы с ним пошли ... в баню, что находилась рядом с городской электростанцией возле берега Двины. После бани зашли в ближайший магазин. В нём творилось что-то невообразимое: толпа народа

”штурмовала“ прилавки, “сметая” с полок любые товары. Отцу с большим трудом удалось протолкаться к прилавку и купить пол-литровую банку чёрносмо-родинного варенья, которую на домашнем совете было решено вскрыть после победы над фашистами.

Отец повесил дома подробную карту Европейской части СССР и красными флажками на булавках отмечал очередное изменение положения советско-германского фронта. Вскоре эта обязанность была возложена на меня, старался ежедневно отслеживать на карте положение на фронте.

Так одновременно с букварем в ту суровую годину изучал я и географию своей страны.

В сентябре 1941 года пошёл в первый класс новой большой кирпичной школы № 3. Занимались мы в ней недолго, так как недели через две городские власти разместили в ней военный госпиталь. Первоклассники занимались во вторую и даже в третью смену в различных школьных зданиях города, расположенных довольно далеко от дома. Занятия оканчивались очень поздно, мы добирались домой одни в полной темноте (по условиям военного времени — светомаскировка).

Но к Новому 1942 году госпиталь перевели в только что достроенное здание Управления Северо-Печорской железной дороги, а нас вернули в свою школу.

А раненых мы не забывали, часто выступали у них со своей художественной самодеятельностью. Показывали им акробатические композиции с флажками, пели песни военного времени. Наши выступления всегда находили благодарный отклик у раненых, сестёр и врачей. Я помню как читал в палатах для тяжелораненых бойцов стихи Симонова, Суркова, Твардовского.

А песня ”Вставай, страна огромная!“ в детском исполнении часто вызывала слёзы на глазах слушателей.

В бытность отца на посту председателя горисполкома Котласа было закончено строительство первого железнодорожного моста через Северную Двину (по нему было открыто движение до станции Коноша Сев. жел. дороги).

Отец не раз в 1941-42 годах посещал это строительство, бывал и в кесонах возводимых быков моста, дома рассказывал нам о тяжёлых условиях работы в них. Вспоминал и о том, что на строительстве моста работали талантливые инженеры: вольнонаемные и заключённые, среди последних были и бывшие командиры из штаба маршала Тухачевского.

На торжественное открытие моста отец взял меня с собой. Правда, мама с бабушкой всячески возражали, опасаясь, что мост может обрушиться под первым поездом. Но отец заверил, что первый большегрузный испытательный поезд прошёл еще накануне, так что опасаться не следует.

Переправились катером вместе с другими приглашёнными на левый берег реки, где в назначенное время начался митинг по поводу открытия моста.

Вместо трибуны использовалась украшенная еловыми гирляндами и транспарантами открытая железнодорожная платформа.

Отзвучали торжественные речи руководителей, “Интернационал” в исполнении духового оркестра. Руководители разных рангов ножницами отрезали себе на память по кусочку голубой ленты, символизирующей голубую ленту Северной Двины, через которую в труднейших условиях военного времени советские люди сумели перекинуть железнодорожный мост (по которому днём и ночью пойдут эшелоны с воркутинским углем, ухтинской нефтью, лесом и различными грузами для фронта).

Кусочек этой ленты, как вещественное напоминание о той героической эпохе, отец хранил до самой своей смерти.

Помню как под звуки оркестра первый эшелон с грузами, после продолжительного гудка паровоза, впереди которого двигалась открытая платформа с руководителями различного звания и уровня, духовым оркестром и приглашёнными на торжество, въехал на мост и плавно переехал на другой берег. Мне было как-то жутковато и страшно: а вдруг мост все-таки рухнет в воду? Но виду я старался не подавать, так как считал себя смелым мальчиком.

На железнодорожной станции снова был митинг, снова гремела медь оркестра и лились торжественные звуки ”Интернационала“. Звучанием станционного колокола торжественно дали отправление первому поезду из Котласа по только что открытому мосту и новой железнодорожной ветке до станции Няндомы, что на трассе Архангельск — Вологда.

Все годы войны отец очень много работал. Уходил рано утром, а приходил домой уже около двенадцати или далеко за полночь. Мы, дети, его почти не видели. Иногда он предупреждал, что в такое-то время придёт обедать. Обедал и, если позволяло время, говорил, что поспит 15-20 минут, мы с сестрой замирали на это время. Отец ложился на кровать, закрывал глаза и мгновенно засыпал. В точно назначенное им время (плюс-минус 1-2 минуты) просыпался сам, вставал, и, уходя на работу, чувствовал себя бодрым и отдохнувшим.

Зимой 1942 года в городе не хватало мощностей городской электростанции разросшимся после начала войны промышленным предприятиям. Поэтому напряжение в электросети освещения жилых домов резко падало, а нить накала в электролампочках едва накалялось, почти не излучая света. Керосиновые лампы зажигались только на время ужина и приготовления уроков.

В зимние каникулы военного 1942 года играли школьники в военную игру, напоминающую “Зарницу” 50-90 годов. Сами мастерили из дерева винтовки, автоматы и даже пулеметы “Максим” с трещотками. Мой “Максим” даже стоял на самодельных лыжах.

Нас, первокурсников, обучали основам санитарной и химической защиты. Сдавшие зачеты получали красивые значки на белых цепочках, а потом красовались ими на переменах.

Школьники, как могли, помогали фронту. Кроме сбора теплой одежды для фронтовиков, концертов в госпиталях, мы каждую осень, после первых заморозков, ездили от пристани Котлас на маленьком кособоком парходике

“Рогачёв” куда-то по Северной Двине, где на крутых берегах были заросли шиповника, переспелые ягоды которого мы и собирали. Сок и отвар шиповника ускоряли заживление ран и способствовали выздоровлению раненых. Вкусными, сладковатыми ягодами мы и сами лакомились. Хоть и малы были, но шиповника собирали много.

В городе оказалось много эвакуированных с Украины, Белоруссии, Прибалтики и польских беженцев. Их дети учились вместе с нами, в переполненных до пятидесяти человек классах. За партами сидели по три ученика, мешая друг другу, толкаясь, но никакой вражды между нами не было. Наоборот, все сочувствовали людям, сорвавшимся с родных мест, которые оказались на оккупированной территории.

Многие одноклассники ходили в школу в одежде и обуви взрослых, но на это никто внимания не обращал.

Весною 1942-1944 г.г. мы с ребятами под руководством старшины лодочной станции чистили, смолили, красили и спускали на воду лодки, а лето проводили на Двине, катаясь на лодках, и рыбачили. Мы, пацаны, одни переправлялись через полноводную и широкую реку на другой берег и загорали на чистом и горячем песке. Если лодки нам не давали, шли пешком по берегу Двины до устья Вычегды, где рыбачили с плотов.

Там, почему-то, подолгу стояли плотоводы “Павлин Виноградов” и “Роза Люксембург”. Рядом с ними, приткнувшись к берегу, стоял и двухдечный пассажирский пароход “Н.В. Гоголь” с красными крестами на крыше и бортах, переоборудованный под госпитальное судно.

Рыбалка бывала и удачной, тогда домашний стол разнообразился свежей рыбой, но чаще весь улов доставался кошкам.

Банка с вареньем, купленная отцом 22 июня 1941 года, стояла в посудном шкафу вплоть до января 1943 года, когда радио голосом Левитана принесло радостную весть о прорыве блокады Ленинграда, где у нас оставались родная и двоюродные сестры отца с детьми.

На семейном совете (бабушка, её дочь Зоя и все мы) было решено отметить это радостное событие чаепитием с довоенным ещё вареньем. Каждому досталось по одной-две ложки варенья, в котором ягодки были очень мелкие, видимо, лесные, поэтому в ложку их входило побольше, они были очень сладкие и такие ароматные, что с того времени, аромат черносмородиновых ягод я предпочитаю всем ароматам на свете».

Решением сессии городского Совета депутатов трудящихся (протокол № 17 от 4 ноября 1942 года, п.2) Баёв И.А. был освобождён от должности председателя горисполкома в связи с переводом на другую работу. Он был назначен секретарём узлового комитета ВКП(б) предприятий Котласского речного транспортного узла.

В мае 1944 года – назначен инструктором отдела водного транспорта Архангельского обкома ВКП(б), и семья переехала в Архангельск.

С 1949 по 1954 год работал зам. начальника политотдела Северного речного пароходства. В 1952 году заочно окончил Московскую Высшую партшколу при ЦК ВКП(б).

После ликвидации политотделов на транспорте его направили работать в Котлас на должность секретаря парткома плавсостава транзитных судов СРП.

С 1957 года работал начальником отдела труда и зарплаты СРП, с этой должности вышел на пенсию по старости в 1963 году.

Написал книгу о работе речников Северного речного пароходства.

Скончался в мае 1972 года в Архангельске.

В городе Котласе живёт племянница Баёва И.А. – Квасникова Тамара Михайловна, которая и помогла нам встретиться с сыном Ильи Андреевича (он приехал из города Северодвинска, где жил, учился и работал), который и передал личные фото и документы отца, прошёл по улицам города своего детства. Подарил музею рукописную книгу «Военно-морской флаг, гюйс, флаги расцветивания – поднять!» (2011).

Так нам удалось шире раскрыть ещё одну страницу из жизни города в сложный военный период, познакомиться с жизнью и деятельностью одного из его руководителей.

Источники:

МБУ «Архив МО «Котлас» фонд 47.д.7.

МУК «Котласский краеведческий музей», фонд персональных, о.ф. №№18248-182071.

Сб. «Котлас. Очерки истории», Архангельск, 2001.

Михин В.П.

ХОЗЯИН ГОЛУБЫХ МАГИСТРАЛЕЙ: ЛЕОНИН СЕМЁНОВИЧ ПЕРВУШИН – НАЧАЛЬНИК СЕВВОДПУТИ, К.Т.Н., ПОЧЁТНЫЙ ГРАЖДАНИН КОТЛАСА

*Хотеть недостаточно,
надо действовать.*

Гёте.

С интересом рассматриваю схему водных путей бассейна Северной Двины. В отличие от других, наш бассейн необычен: он похож не на традиционное дерево (в плане), а на «гриб», обращённый ножкой к Белому морю. «Шляпка» же образуется Сухоной и Вычегдой, текущими навстречу друг другу с их многочисленными притоками.